

Михаил Бакунин

Парижская Коммуна и понятие о государственности

Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Том IV.

Политика Интернационала. -- Усыпители. -- Всестороннее образование. -- Организация Интернационала. -- Письма о Патриотизме. -- Письма к Французу. -- Парижская Коммуна и понятие о Государственности.

Книгоиздательство "Голос труда". Петербург-Москва. 1920.

Типография "Голос труда". Петербург.

Этот труд, как и все, до сих пор написанное мною, вызван текущими событиями. Он служит естественным продолжением моих "Писем французу" (сентябрь 1870 г.), в которых мне на долю выпала не трудная, но скорбная честь предвидеть и предсказать ужасные бедствия, раздирающие ныне Францию, а с нею и весь цивилизованный мир; бедствия, против которых было и есть только одно лекарство: *социальная революция*.

Задача настоящего труда -- доказать эту отныне неоспоримую истину, как доводами, почерпнутыми из истории, так и фактами, совершающимися на наших глазах в Европе, и таким образом заставить всех чистосердечных людей, искренно ищущих правды, принять эту истину и открыто без умолчаний и обиняков, признать как философские принципы, так и вытекающие из них практические действия, составляющие, так сказать, деятельную душу, основание и цель того, что мы называем социальной революцией.

Задача, взятая мною на себя, не легка. Я это знаю, и меня можно было бы обвинить в излишней самонадеянности, если бы я внес в этот труд хотя малейшее личное притязание. Но могу уверить читателя, что этого нет. Я не ученый, не философ и не писатель по профессии. В течение моей жизни я очень редко выступал в литературе, и всегда или в защиту себя, или вынужденный страстным убеждением, побеждавшим во мне инстинктивное отвращение ко всякому публичному проявлению моего "я".

Кто же я, и что побуждает меня выпустить в свет этот труд? Я -- страстный искатель истины и не менее ожесточенный враг зловредных вымыслов, которыми и до ныне пользуется партия порядка, этот официальный представитель привилегированного меньшинства, в интересах которого отстаивать все религиозные, метафизические, политические, юридические, экономические и социальные гнусности, настоящие и прошедшие, имеющие целью -- держать людей в невежестве и рабстве. Я -- фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж.Ж. Руссо, и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, -- что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида.

Нет я имею в виду одну свободу, достойную этого имени, свободу, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные и моральные, скрытые в каждом человеке, свободу, не признающую иных ограничений, кроме предписанных законами нашей собственной природы, что равносильно, собственно говоря, совершенному

отсутствию ограничений, так как эти законы не изданы каким либо законодателем вне нас, рядом с нами или превыше нас стоящим: они нам присущи, неотделимы от нас, составляют самую основу нашего существа, как материального, так и интеллектуально-морального: вместо того, чтобы извращать их, мы должны их рассматривать, как необходимые условия и настоящую, действительную причину нашего стремления к свободе.

Я имею в виду такую свободу каждого, которая, входя в соприкосновение с свободой других людей, не останавливается перед ней, как перед предельным рубежом но, напротив, находит в свободе других свое подтверждение и возможность расширяться до бесконечности; я имею в виду свободу каждого отдельного индивида; не ограничиваемую свободой всех, свободу в солидарности, свободу в равенстве; свободу, восторжествовавшую над грубой силой и над самым принципом авторитета -- неизменным идеалом этой силы; свободу, которая, ниспровергнув всех небесных и земных идолов, положит основание новому миру, -- миру человеческой солидарности на обломках всех церквей и всех государств.

Я убежденный сторонник *экономического социального равенства*, так как, я знаю, что вне этого равенства свобода, справедливость, человеческое достоинство, нравственность и благосостояние отдельных лиц так же, как и процветание целых наций,-- есть ложь. Притом, будучи приверженцем свободы, этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путем добровольной организации труда и коллективной собственности, путем промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной же федерации коммун, -- но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства.

Это тот пункт, в котором принципиально расходятся социалисты-коллективисты, сторонники сильной власти и абсолютной инициативы государства, с федералистами и коммунистами. У них одна цель: и та и другая партия одинаково стремятся к созданию нового социального строя, основанного исключительно на коллективном труде, самую силу вещей равномерно распределенном между всеми без исключения членами общества, при равных для всех экономических условиях, т. е. при условии коллективной собственности на орудия труда. Только социалисты- коллективисты воображают, что они смогут придти к этому путем развития и организации политического могущества рабочих классов; в особенности городского пролетариата, рука об руку с буржуазным радикализмом, между тем как коммунисты-федералисты, враги всякого смешения и всякого двусмысленного союзничества, думают, наоборот, что они достигнут этой цели путем развития и организации не политического, но социального, следовательно, анти-политического могущества рабочих масс, как городских так и сельских, включая сюда также и людей, хотя и принадлежащих по рождению к высшим классам, но добровольно порвавших со всем своим прошедшим и открыто присоединившихся к пролетариату, приняв его программу.

Отсюда два различных метода. Социалисты-коллективисты думают, что нужно организовать силы рабочих, чтобы овладеть политическим могуществом государств. Социалисты-федералисты организуются, имея целью уничтожение, или, если хотите более мягкое выражение, ликвидацию государств. Коллективисты -- сторонники принципа и применения авторитета, социалисты же федералисты верят только в свободу. Те и другие - - равно поклонники науки, долженствующей убить суеверие и заменить собою веру; но при этом первые находят возможным уничтожить предрассудки и насаждать знание посредством декрета, между тем как вторые непосредственно заботятся о распространении наук, из сокровищницы которых каждый черпает то, к чему чувствует склонность, пропагандируют добровольную и свободную организацию в группы и федерации, опять таки в полном согласии с природными склонностями и насущными интересами, но отнюдь не по заранее начертанному плану, предписанному невежественным массам несколькими высшими умами. Социалисты-федералисты думают, что в инстинктивных стремлениях и в реальных нуждах народных масс гораздо больше осмысленного и практического разума,

чем в глубоком уме всех этих благодетелей и учителей человечества, которые, имея перед собой печальный пример стольких неудавшихся попыток -- сделать человечество счастливым, мечтают еще о возможности вложить в это дело свои усилия. Социалисты же федералисты думают, наоборот, что человечество достаточно долго, даже слишком долго позволяло управлять собой, и что источник его несчастья заключается не в той или иной форме правления, а в самом принципе и существовании правительства, каково бы оно ни было.

Это разногласие между коллективизмом, научно изложенным немецкой школой и американскими социалистами, с одной стороны, и прудонизмом, широко развитым и доведенным до последних выводов, принятым пролетариатом латинских стран, -- с другой, стало под конец историческим {Он также, принят славянскими народами, так как более соответствует их темпераменту и прирожденному отвращению к политике.}. Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в *Парижской Коммуне*.

* * *

Я -- сторонник Парижской Коммуны, которая, будучи подавлена, утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции, сделалась через это более жизненной, более могучей в воображении и в сердце Европейского пролетариата; я -- сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием Государства.

Что это практическое отрицание Государства имело место именно во Франции, бывшей доселе по преимуществу страной политической централизации, и именно в Париже, в историческом центре той великой французской цивилизации, которая и положила начало отрицанию государства, -- это факт громадной исторической важности. Париж, развенчивающий себя и с энтузиазмом отрекающийся от своей власти во имя свободы и жизни Франции, Европы, целого мира! Париж, снова ставший инициатором и тем снова подтвердивший свое историческое призвание; показав всем рабским народностям (а какие же из современных народов не находятся в рабстве!) единственный путь освобождения и спасения! Париж, нанесший смертельный удар политическим традициям буржуазного радикализма и положивший реальное основание революционному социализму! Париж, вновь заслуживший проклятия всех реакционеров Франции и целого мира! Париж, в смертельной ненависти к ликующей реакции похоронивший самого себя под дымящимися развалинами! Париж, спасший ценою своего разрушения честь и будущность Франции и доказавший человечеству, что если жизнь, ум, нравственная сила и исчезли в высших классах, то зато они, могучие и полные будущности, сконцентрировались в пролетариате! Париж, освятивший новую эру, эру решительного и полного освобождения народных масс, эру их солидарности, ныне вполне осуществленной помимо государств с их искусственными границами! Париж, провозгласивший себя гуманитарным и атеистичным, и заменивший божественные вымыслы великою реальностью социальной жизни и верой в науку, которая заменила ложь и неправду религиозной, политической и юридической морали принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этими вечными основами всякой человеческой морали! Геройский, рациональный и верующий Париж, запечатлевший своим великодушным падением, своею смертью могучую веру в судьбы человечества и завещавший эту веру, еще более могучую и живую, грядущим поколениям! Париж, затопленный кровью своих самых благородных сынов, -- это человечество, пригвожденное к кресту сплоченной Европейской международной реакцией с благословения всех христианских церквей и великого жреца неправды -- папы! Будущая же международная и солидарная революция народов будет воскресением Парижа!

Таков истинный смысл и таковы великие, благодетельные последствия двухмесячного существования и навеки незабвенного падения Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна существовала слишком недолго и была слишком стеснена в своем внутреннем развитии смертельной борьбой, которую ей приходилось выдерживать против Версальской реакции, чтобы быть в состоянии, я уже не говорю, применить, но хотя бы выработать теоретически свою социалистическую программу. К тому же большинство членов Коммуны не были социалистами по убеждению, а если они считались таковыми, то лишь потому, что они были вовлечены в социализм непреборимой силою вещей, самую природою среды, в которой они вращались. Социалисты, во главе которых естественно пришлось стать нашему другу Варлену, составляли в Коммуне очень незначительное меньшинство; их было не более четырнадцати или пятнадцати человек. Остальные были по преимуществу якобинцы. Но нужно оговориться, есть якобинцы и якобинцы. Есть якобинцы адвокаты и доктринеры, как Гамбетта, позитивный республиканизм {См. его письмо к Литтре в "Le progres de Lyon".} которого, надменный, деспотический и педантичный, утративший бывшую революционную веру и сохранивший от якобинства только культ централизации и власти, предал народную Францию пруссакам, а позднее местной реакции. И есть якобинцы, непримиримые революционеры, герои, последние могиканы демократической веры 1793 года, готовые скорее пожертвовать единством власти ради нужд революции, чем поступиться своею совестью перед наглостью реакции. Эти великодушные якобинцы, во главе которых стоял Делеклюз, великая душа и сильный характер, хотят прежде всего торжества революции; а так как никакая революция невозможна без участия народных масс и так как эти массы, руководимые бессознательным социалистическим инстинктом, в настоящее время могут произвести только экономическую и социальную революцию, то правоверные якобинцы, постепенно увлекаемые логикой революционного движения, кончают тем, что делаются социалистами сами, не отдавая себе в том отчета.

Именно таково было положение якобинцев, принявших участие в Парижской Коммуне. Делеклюз и многие другие вместе с ним подписывались под программами и прокламациями, общий смысл и обещания которых были положительно социалистичны. Но так как, несмотря на все свое чистосердечие и самоотверженность, они были социалистами поневоле, а не по убеждениям, и так как у них не было ни времени, ни возможности победить и уничтожить в себе массу буржуазных предрассудков, стоявших в роковом противоречии с их практическим социализмом, то само собой станет понятным, почему утомленные этой внутренней борьбой, они не оказались способными ни возвыситься над большинством, ни принять одну из тех решительных мер, которые порвали бы навсегда их солидарность и все их связи с миром буржуазии.

Это было величайшим несчастьем и для Коммуны и для них самих; они были обессилены этим противоречием и обессилили Коммуну. Но нельзя ставить им в упрек эту ошибку: люди не перерождаются в один день, не изменяют своей природы и своих привычек по первому желанию. Они доказали свою искренность, отдав за Коммуну свою жизнь. Кто осмелится требовать большего?!

Им это тем более простительно, что сам парижский народ, под давлением которого они мыслили и действовали, был социалистом более по инстинкту, чем по примеру или по строго обдуманному убеждению.

Все его практические тенденции были в высшей степени социалистичны, но его идеи, его традиционные понятия стоят далеко ниже этого уровня. У пролетариата больших городов Франции так же, как и у парижского пролетариата, есть еще много якобинских предрассудков: о спасительности диктатуры и проч. Культ власти, роковой продукт религиозного воспитания, этот первоисточник всех исторических зол, народной испорченности и порабощения, еще не был дискредитирован и искоренен из его сознания. Это до такой степени верно, что даже наиболее интеллигентные сыны народа, самые убежденные социалисты не в состоянии окончательно отрешиться от этого предрассудка.

Загляните поглубже в сердце каждого из них, и вы там найдете якобинца, сторонника государства, правда, скромно притаившегося в каком-нибудь темном уголке, но все же не совсем еще умершего. Как следствие этих причин, положение немногочисленных убежденных социалистов, принимавших участие в Коммуне, было чрезвычайно трудно. Не чувствуя, под собой почвы в поддержке значительного большинства парижского населения, секция международной ассоциации, плохо с'организованная, едва насчитывавшая в своих рядах несколько тысяч человек, должна была выдерживать ежедневную борьбу с якобинским большинством. И притом при каких обстоятельствах! Она должна была организовать, вооружать, давать работу и хлеб нескольким сотням тысяч рабочих на пространстве такого огромного города, как Париж, притом осажденного и угрожаемого с одной стороны голодом, а с другой -- гнусными происками со стороны реакции, прочно утвердившейся в Версале *с разрешения и по милости Пруссак*ов. Правительству и Версальскому войску они были вынуждены противопоставить революционное правительство и войско, т. е. чтобы одолеть монархическую и клерикальную реакцию, они должны были, забыв и поступившись первыми условиями революционного социализма, прибегнуть к якобинской реакции.

Не естественно ли, что при подобном стечении обстоятельств, якобинцы, составлявшие большинство Коммуны и обладавшие в несравненно большей степени чем социалисты политическим инстинктом, традицией и практикой правительственной организаций, имели, по сравнению с социалистами, огромные преимущества? Нужно еще удивляться тому, что они не воспользовались этими преимуществами в гораздо большей степени и не придали восстанию Парижа исключительно якобинского характера, а были силою вещей вовлечены в социальную революцию.

Я знаю, что многие социалисты, весьма последовательные в своих теориях, упрекают наших парижских друзей в том, что они выказали себя в недостаточной мере социалистами в своих революционных действиях; в то же время все крикуны буржуазной прессы, наоборот, обвиняют их в "преступной последовательности" в деле осуществления социалистической программы. Оставив пока в стороне гнусных доносчиков этой прессы, я должен заметить по адресу строгих теоретиков социализма, что они неправы по отношению к нашим парижским товарищам, потому что теории, даже самые разработанные, отделяются от их практического осуществления бесконечным пространством, которое в несколько дней не перешагнешь.

Если кто имел, например, счастье знать Варлена, в гибели которого теперь уже нельзя, к несчастью, сомневаться, тому достаточно только напомнить его имя, чтоб показать, сколько в нем и в его друзьях было пламенной, глубокой и продуманной социалистической убежденности. Для тех, кто знал их близко, это были люди, энтузиазм, самоотверженность и искренность которых были вне всякого сомнения. Но именно потому, что они были людьми честными, лишенными самомнения и высокомерия, их дееспособность и была парализована сознанием громадного дела, которому они посвятили и душу свою и жизнь! Кроме того, по их глубокому убеждению в деле социальной революции, диаметрально противоположной во всем революции политической, действия отдельных лиц были почти ничем, а самопроизвольная деятельность масс должна была быть всем. Разработать, осветить и распространить идеи, отвечающие народному инстинкту, и своими непрестанными усилиями придать революционной организации стихийную мощь народного движения -- вот все, что могут сделать отдельные лица, и ничего более; все остальное должно и может быть сделано только самим народом. Думай они иначе, они неизбежно пришли бы опять к политической диктатуре, т. е. к восстановлению государства, к привилегиям, неравенству, и пришли бы хотя обратным, но логическим путем к восстановлению политического, социального и экономического рабства народных масс.

У Варлена и его друзей, как у всех искренних социалистов и, вообще, у всех тружеников, родившихся и выросших среди народа, было в высшей степени развито это вполне законное предубеждение против инициативы, исходящей от отдельных лиц, предубеждение против

властвования высших индивидуальностей, и так как они были последовательны, то и распространяли это предубеждение и это недоверие и на самих себя так же, как и на других людей.

Вопреки убеждению авторитетных коллективистов,-- по моему, совершенно ошибочному, что социальная революция может быть предписана и организована при посредстве диктатуры или учредительного собрания, как естественное следствие политической революции, наши друзья, парижские социалисты, думали, что социальная революция может быть совершена и руководима самопроизвольным действием, исходящим из народных масс, групп и ассоциаций.

Наши парижские товарищи были тысячу раз правы. Потому что, в самом деле, какой ум настолько гениален, или -- если хотят говорить о коллективной диктатуре, хотя бы состоящей из нескольких сотен лиц, одаренных высшими способностями,--какая комбинация интеллектов мозга могла бы быть настолько целесообразной, чтобы объять бесконечное множество и разнообразие реальных интересов, убеждений, желаний и потребностей, составляющих в сумме коллективную волю народа, и чтобы изобрести социальную организацию, могущую удовлетворить всех? Эта организация будет всегда Прокрустовым ложем, на котором насилие, более или менее санкционированное государством, заставило бы улечься несчастное общество. Так было до сих пор. И именно этой старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, группам, коммуна, ассоциациям. а также и отдельным индивидам и, уничтожив раз навсегда историческую причину всякого насилия -- самое существование государства, падение которого увлечет за собой все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов, так как это право и эти культы никогда не были ничем иным, как услужливой санкцией всяких насилий, нравственных и физических, осуществляемых, поддерживаемых и поощряемых государством.

Очевидно, что только тогда человечество получит свободу, и только тогда истинные интересы общества всех групп, всех местных организаций а также и всех отдельных лиц, его составляющих, получают полное осуществление, когда государство не будет более существовать. Очевидно, что все так называемые общественные функции государства в действительности представляют не что иное, как решительное и непрерывное отрицание насущнейших интересов отдельных областей, коммун, ассоциаций и огромнейшего числа людей, подчиненных государству. Эти общественные функции представляют нечто отвлеченное, фикцию, ложь, и государство в целом есть подобие обширной бойни или огромного кладбища, где незаметно, в тени, и прикрываясь этим отвлеченным нечто, этой абстракцией, с притворным сокрушением, приносятся в жертву и погребаются все лучшие стремления, все живые силы страны: и так как никакая абстрактность не существует сама по себе и для себя, не имея ни ног, чтобы ходить, ни рук, чтобы творить, ни желудка, чтобы переваривать ту массу жертв, которую ей предоставляется поглотить, то ясно, что, как религиозная или небесная абстрактность, Бог, представляет в действительности весьма положительные, весьма реальные интересы только привилегированной касты, духовенства, так и ее земное дополнение, политическая абстрактность, государство, представляет не менее положительные и реальные интересы буржуазии, того класса, который включая в себя и другие высшие классы, главным образом, если не исключительно, является эксплуатирующим.

Уничтожение церкви и государства должно быть первым и необходимым условием настоящего раскрепощения общества. Только после этого оно может и должно устроиться по-иному: но только произойти это должно не сверху вниз, и не по воображаемому плану, начертанному несколькими мудрецами и учеными, и не в силу декретов, изданных каким нибудь диктатором или даже национальным собранием, избранным посредством всеобщей подачи голосов. Реформа сверху вниз, как я уже не раз повторял, неизбежно привела бы к созданию нового государства, и, следовательно, к образованию новой правящей

аристократии, т. е. целого класса людей, не имеющих ничего общего с народной массой и, конечно, этот класс опять бы начал эксплуатировать и поработать массы под предлогом общего счастья и спасения государства.

Будущая социальная организация непременно должна быть реализована по направлению снизу вверх, посредством свободной ассоциации или федерации рабочих, начиная с союзов, коммун, областей, наций и кончая великой международной федерацией. И только тогда осуществится целесообразный, жизнеспособный строй, тот строй, в котором интересы личности, ее свобода и счастье не будут больше противоречить интересам общества, говорят, что интересы отдельных лиц несовместимы и несогласуемы с интересами общества, что их гармония никогда не будет фактически осуществлена, в силу их органической противоположности. На такое возражение я отвечаю, что если до настоящего времени эти интересы никогда и нигде не были во взаимной согласованности, причина этого было государство, жертвовавшее интересами большинства в пользу привилегированного меньшинства. И вся эта пресловутая несовместимость и эта мнимая борьба личных интересов с интересами общества есть не что иное, как политическое надувательство и ложь, получившая свое начало в теологической лжи, измыслившей доктрину первородного греха, чтобы обесславить, человека и уничтожить в нем сознание своей ценности. Эта ложная идея несовместимости интересов была усвоена и метафизикой, которая, как известно, состоит в близком родстве с теологией. Отрицая общественные инстинкты, прирожденные человеческой природе, метафизика смотрит на общество, как на механический и искусственно созданный агрегат индивидов, соединившихся случайно, в силу какого-нибудь формального или безмолвно принятого договора, заключенного или свободно, или же под влиянием высшей силы. Предполагается, что до своего соединения в общество, эти индивиды, одаренные якобы бессмертной душой, наслаждались полной свободой.

Но если справедливо утверждение метафизиков, что люди, особенно те из них, которые верят в бессмертие души, вне общества могут быть свободными существами, то отсюда с неизбежностью следует вывод, что люди могут соединиться в общество при условии отрицания своей свободы, своей прирожденной независимости и предварительно отречьшись от всех своих интересов, как личных так и групповых. В подобном самоотречении и самопожертвовании должно быть тем более величия, чем многочисленнее общество и чем сложнее его организация. И в этом смысле государство есть выражение всех жертв личности. Имея столь отвлеченное и в то же время столь насильственное происхождение государство продолжает, разумеется, и донныне стеснять все более и более свободу личности во имя той лжи, которая носит название "общего счастья", а в действительности есть не что иное как благоденствие господствующего класса. Таким образом, в результате государство является систематическим отрицанием и могилой всякой свободы, всех интересов, как индивидуальных, так и общественных.

В метафизических и теологических системах все обстоит благополучно. Вот почему творцы и защитники этих систем могут и даже должны со спокойной совестью продолжать эксплуатировать народные массы при посредстве Церкви и Государства. Набивая свои карманы и не ставя никаких преград своим нечистым вождениям, они могут в то же время утешать себя мыслью, что они трудятся во славу Божию, во имя торжества цивилизации и грядущего благоденствия пролетариата.

Но мы, другие, не верящие ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в метафизическую свободу воли, мы утверждаем, что свобода должна быть понимаема в самом обширном смысле слова, понимаема как цель исторического развития человечества. По странному, хотя логически последовательному контрасту, наши противники, идеалисты теологии и метафизики, принимая принцип свободы за основу и базу их теории, выводят из него заключение о необходимости рабства людей. Мы же другие, материалисты в теории, стремимся на практике осуществить и упрочить разумный и благородный идеализм. Наши враги, божественные и трансцендентальные идеалисты, в силу логического закона, по

которому всякое развитие приводит в конце концов к отрицанию своей исходной точки, нисходят до практического материализма, жестокого и подлого. Мы же убеждены, что все богатство умственного, нравственного и материального развития человека, точно так же, как и достигнутая им степень независимости, все это -- продукт общественной жизни. Вне общества человек не только не сделался бы свободным, но не стал бы человеком в истинном значении этого слова, т. е. единственным сознательным существом, мыслящим и владеющим словом. Только благодаря общению умов и коллективному труду, мог человек выйти из дикого и животного состояния, составляющего его первоначальную природу или же исходный пункт его развития. Мы глубоко убеждены в той истине, что все в жизни людей: интересы, стремления, потребности, иллюзии, самые глупости, так же как и насилие, несправедливости и все поступки, кажущиеся произвольными, являются следствием взаимодействия социальных инстинктов, присущих самой природе человека. Отрицание стихийной законосообразности в отношениях людей так же нелепо, как было бы нелепо отрицание этой законосообразности в проявлениях неодушевленной природы. В природе эта удивительная, считавшаяся теологами предустановленной, гармония достигается непрерывной борьбой за существование и вымиранием неприспособленных; и как в природе, где нет борьбы и движения, нет ни жизни ни красоты, так и в обществе жизнь без борьбы есть смерть.

Если во вселенной царит гармония и закономерность, то это только потому, что вселенная не управляется по какой-либо системе, заранее придуманной и предписанной высшей волей. Теологическая гипотеза божественного законодательства ведет к очевидному абсурду и к отрицанию не только всякого порядка, но и к отрицанию даже самой природы. Законы реальны лишь постольку, поскольку они неотделимы от самих вещей, т. е. не предписаны какой-либо вне их стоящей властью. Эти законы не что иное, как простые проявления или неизменные свойства вещей и результаты их разнообразных комбинаций. В целом же все это составляет то, что мы называем "природа". Человеческий ум и созданная им наука исследуют эти свойства и эти комбинации вещей, систематизируют и классифицируют их путем опытов и наблюдений, и подобные классификации и систематизации явлений и называют законами природы. Но сама природа не ведаёт вовсе законов. Она действует бессознательно, представляя собою бесконечную изменчивость явлений, проявляющихся и повторяющихся непредотвратимым, роковым образом. И только благодаря этой роковой неизбежности, порядок вселенной может существовать и фактически существует.

Та же стихийная зависимость и последовательность явлений проявляется и в человеческом обществе, которое, по теории, эволюционирует так называемым противоестественным образом, в действительности же подчиняется естественному и неизбежному ходу вещей. Только та высшая ступень, на которой стоят люди по сравнению с животными, и их способность мыслить внесли в развитие человека особый элемент, также совершенно естественный и являющийся продуктом материального взаимодействия сил. Этот особый элемент есть разум или, лучше сказать, способность к обобщению и отвлечению, благодаря которой человек может наблюдать и изучать самого себя наравне с предметами внешнего мира. Поднявшись затем мысленно еще выше над самим собою, а также и над окружающим его миром, он приходит к представлению полной абстракции к абсолютному ничто. Это "абсолютное" есть, в сущности, не что иное, как самоспособность к отвлечению, которая, пренебрегая всем, что существует, и дойдя до полного отрицания бытия, находит в этом свое успокоение. Это та последняя грань наивысшей отвлеченности, это абсолютное Ничто и было названо Богом.

Вот историческое происхождение и логическое основание всякой теологической доктрины. Не понимая природы и материальных причин своих собственных мыслей, не отдавая себе даже отчета в условиях их возникновения и развития, первые люди и общества, конечно, не могли подозревать, что их абсолютные познания абсолютного были не более как бесплодным раздражением способности к творчеству отвлеченных идей. Только в силу

этого недоразумения они смотрели на эти идеи, как на высшие реальности, пред которыми сама природа обращалась в ничто. Потом они начинают обожать свои вымыслы, свои представления несуществующего абсолютного, начинают оказывать им всяческие почести. Затем является потребность как-нибудь более конкретно представить абстрактную идею этого Ничто, т. е. Бога, сделать ее более осязательной для чувств. С этой целью они расширяют понятие божества, наделяя его всеми добрыми и злыми свойствами, какие им были известны из наблюдения над природой и человеком.

Таково было происхождение и историческое развитие всех религий, начиная с фетишизма и кончая христианством. Мы вовсе не имеем намерения заниматься историей религиозных, теологических и метафизических абсурдов и еще менее собираемся распространяться о всех последовавших божеских воплощениях и явлениях, созданных веками варварства. Всем известно, что суеверие порождало всегда массу самых ужасных зол и заставляло проливать кровь и слезы целыми потоками. Мы отметим только, что все эти возмутительные заблуждения бедного человечества в процессе эволюции общественных организмов были исторически неизбежными фактами. Эти заблуждения зародили и распространили в обществе роковую идею, овладевшую воображением людей, будто вселенная управляется сверхъестественной силой и волей. Века сменяли века и общество до такой степени свыклось с этой идеей, что, наконец, убило в себе всякое стремление и даже самую способность к прогрессу.

Властолюбие сперва нескольких лиц, а затем целых общественных классов возвело в жизненный принцип рабство и покорность, и вкоренило в сознание поработанных вреднейшую из всех идей, идею божества. С тех пор никакое общество не стало возможным без этих двух основных учреждений: Церкви и Государства. Эти два бича общества защищаются всеми доктринерами.

Как только появились в мире эти учреждения, сразу организовались две касты: каста духовенства и каста аристократов, которые, не теряя времени, озаботились вбить глубоко в голову поработанному народу сознание необходимости, полезности и священности Церкви и Государства. Все это имело единственную цель -- заменить рабство грубого насилия рабством законным, предусмотренным и освященным волею Высшего Существа. Но сами аристократы и духовенство, верили-ли они в божественное происхождение институтов, как бы нарочно установленных для их пользы? Или же они были только лицемерами и обманщиками? Нет, я склонен думать, что они были в одно и то же время и искренно верующими, и лицемерами.

Они верили, потому что они естественно и неизбежно разделяли заблуждения масс, и только позднее, в эпоху упадка древнего мира, сделались скептиками и бесстыдными обманщиками. Кроме того, -- есть одно общераспространенное свойство человеческой психики, которое заставляет думать, что основатели государств были людьми искренними. А именно; человек всегда легко верит в то, чего он желает и что не противоречит его интересам. Независимо от ума и образования, из самолюбия, ради желания пользоваться уважением окружающих, он всегда будет верить в то, что ему полезно и приятно. Я убежден, например, что Тьер и версальское правительству усиленно, всячески старались убедить себя, что, убивая в Париже несколько тысяч человек, женщин и детей, они тем самым спасают Францию.

Но если священники, авгуры, аристократы и буржуа древних и новых времен и верили искренно, то все же они были одновременно и обманщиками. Ведь нельзя допустить, чтобы они верили в те абсурды, из которых состоит религия и политика. Я уже не говорю об эпохе, когда, по словам Цицерона, "два авгура не могли посмотреть друг другу в глаза, чтобы не рассмеяться". Трудно предположить, что позднее, хотя бы и во времена всеобщего невежества и суеверия, изобретатели средневековых чудес верили в их реальность. Точно также позволительно сомневаться и в искренности правителей позднейших времен, руководившихся в политике правилом: "порабощай и грабь народ так, чтобы он не сетовал

слишком громко на свою судьбу, чтобы он не забывал о покорности и не имел времени на размышления, легко приводящие к протесту и возмущению".

И уж совсем нельзя допустить, чтобы люди, сделавшие из политики ремесло, искусившиеся в несправедливости, в насилии, во лжи и в измене, не останавливающиеся пред массовыми и одиночными убийствами, могли искренно верить в искусство политики и в государственную мудрость и считать государство источником общественного благополучия. Они подлы, но не так глупы. Церковь и государство были во все времена главнейшими рассадниками пороков. История может засвидетельствовать их преступления: повсюду и всегда священник и правитель были сознательными врагами народов и их систематическими, неумолимыми и кровожадными палачами.

Но как же все-таки согласить две, повидимому совершенно несогласимые вещи: низшие агенты правительства, они же обманщики и обманутые; другие, -- всемогущие властители земли, и в то же время лицемеры? Логически это кажется несовместимым, но фактически, т. е. в практической жизни, эти качества мирно уживаются одно с другим.

В подавляющем большинстве случаев люди живут в противоречии с самими собою и не замечают этого, пока какое-нибудь исключительное событие не разбудит их совесть от привычной спячки и не заставит оглянуться на себя и окружающее.

В политике, как и в религии, большинство людей только марионетки в руках привилегированных эксплуататоров. Но грабители и ограбленные, поработители и поработенные живут бок-о-бок друг с другом, управляемые горсточкой лиц, на которых, собственно, и следует смотреть, как на истинных эксплуататоров. Эти последние, свободные от всех предрассудков, политических и религиозных, сознательно угнетают и держат народ в невежестве. В наше время так же бесконтрольно, как и в XVII и в XVIII веках, до Великой Революции, они бесконтрольно и беспрепятственно властвуют в Европе, но скоро-скоро их владычеству придет конец.

В то время, как главные вожаки обманывают и сознательно развращают народ, их приспешники, креатуры Церкви и Государства, усердно стараются поддерживать веру в святость и неприкосновенность этих гнусных учреждений. Если Церковь, по заявлению духовенства и большинства государственных людей, необходима для спасения души, то Государство, в свою очередь, так же необходимо для поддержания мира, порядка и справедливости, и потому доктринеры всех школ восклицают: "Без Церкви и Правительства невозможны ни цивилизация ни прогресс".

Нам нечего заниматься обсуждением проблемы вечного спасения, потому, что мы не верим в бессмертие души. Мы убеждены, что самая вредная вещь для человечества, для истины, прогресса, есть Церковь. И может ли это быть иначе? Разве не на Церковь возложена обязанность развращать подрастающие поколения, и в особенности женщин? Разве не Церковь своими догматами, своею ложью, своими глупостями и своими пошлостями, старается убить логику разума и науки? Разве не она посягает на достоинство человека, извращая в нем понятие о праве и справедливости? Разве не она обращает живое в труп? Разве не она искажает свободу, разве не она проповедует вечное рабство масс в угоду тиранов и поработителей? Разве не она, эта неумолимая Церковь, стремится продолжить до бесконечности мрак невежества, нищеты и преступления?

И если прогресс нашего века -- не сон обманчивый. он должен положить конец этому учреждению.